

ПРАВДА
ОБО МНЕ

МОИ
СЕКРЕТЫ
КРАСОТЫ

*Lina
Cavalieri*

Лина Кавальери

«MÉMOIRES
DE LA MODE
ОТ АЛЕКСАНДРА
ВАСИЛЬЕВА»

Лина Кавальери
Правда обо мне. Мои
секреты красоты
Серия «Mémoires de la mode
от Александра Васильева»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67186587

Правда обо мне. Мои секреты красоты : Этерна; М.; 2022

ISBN 978-5-480-00427-4

Аннотация

Лина Кавальери (1874-1944) – божественная итальянка, каноническая красавица и блистательная оперная певица, знаменитая звезда Прекрасной эпохи, ее называли «самой красивой женщиной в мире». Книга состоит из двух частей. Первая часть – это мемуары оперной дивы, где она попыталась рассказать «правду о себе». Во второй части собраны старинные рецепты натуральных средств по уходу за внешностью, которые она использовала в своем парижском салоне красоты, и ее простые, безопасные и эффективные рекомендации по сохранению молодости и привлекательности.

На русском языке издается впервые.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Правда обо мне	14
Глава I. Детство	15
Глава II. Бедность	19
Глава III. Подъем	25
Глава IV. Карьера	31
Глава V. Чего хотел махараджа?	38
Глава VI. Романтизм	44
Глава VII. Я стала принцессой	51
Глава VIII. Замужество	58
Глава IX. Мечта об искусстве	66
Глава X. Мои «оплошности»	69
Глава XI. Опера	77
Глава XII. В Италию	82
Глава XIII. Рим и Оранж	86
Глава XIV. Первое путешествие в Америку	93
Глава XV. Странная конкуренция с Джеральдиной Фаррар	98
Глава XVI. В Нью-Йорке арестовали Карузо	102
Глава XVII. Американский брак на восемь дней	106
Глава XVIII. Психология брака	110
Глава XIX. Русская революция, Таис и Маттиа	113

Баттистини	
Глава XX. Катастрофа и трагикомедия	116
Глава XXI. Почему я никогда не пела в Риме	120
Глава XXII. Моя третья свадьба	124
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Лина Кавальери **Правда обо мне. Мои** **секреты красоты**

Lina Cavalieri

Le mie verita` (1936)

My Secrets of Beauty (1914)

© В. Максимова, перевод, 2022

© В. Белугин, перевод, 2022

© А.А. Васильев, предисловие, фотографии, 2022

© ООО «Издательство «Этерна», издание на русском языке, 2022

Предисловие к русскому изданию

Ее по праву называли самой красивой женщиной в мире. Божественная итальянка, каноническая красавица и блистательная оперная певица Лина Кавальери родилась в рождественскую ночь, 25 декабря 1974 года, и была названа Наталиной в честь Рождества – *Natale* по-итальянски. Местом ее рождения был маленький городок Онано в провинции Витербо, на родине этрусков. Семья была небогатой, отец – плотник и кровельщик, а мать, как было принято в то время – домашняя хозяйка. Девочка росла в нужде, и первые заработки – торговля фиалками на рыночной площади – сменились работой упаковщицы газет в типографии и швейкой у местной портнихи. Возможно, это и послужило толчком зарождавшейся любви к моде, ведь Лина Кавальери станет признанной «иконой стиля» эпохи модерн, модной картинкой для миллионов женщин и мужчин. И это непустые слова. В 1900-е годы, когда ее слава стала мировой, более одного миллиона открыток с ее изображением разлетелось по всему миру. Портреты Лины Кавальери и сейчас можно найти на блошиных рынках Сиднея и Сантьяго, Москвы и Нью-Йорка, Барселоны и Петербурга, Стамбула и Гонконга. Это ли не мировая слава?!

С тринадцати лет Лина начала петь неаполитанские песенки в небольших кафе Рима, а ее природная красота,

стройность стана, шарм и обаяние сделали дебютантку заметной в кавалькаде искавших славы исполнителей. В четырнадцать девушка уже участвовала в первом для нее конкурсе красоты и в апреле 1894 года, в девятнадцать лет, впервые выступила на профессиональной сцене небольшого театра в Риме. Этот дебют на прошел незамеченным, и красивую молодую певицу начали приглашать петь в цирке и кабаре. Рим и Неаполь были покорены моментально, а в 22 года ей сдался Париж: она получила ангажемент в знаменитое варьете *Folies-Bergère*, пристанище муз и красавиц начала XX века, чей фасад до сегодняшнего дня украшен барельефом русской балерины Лили Никольской.

Природный слух и музыкальный дар позволили Лине быстро овладеть французским, изучить танцы и пленить публику, особенно мужчин. Ее наперебой стали приглашать петь в мюзик-холлах, увеселительных садах, на сценах известных кафешантанов. Словом, Кавальери в молодости была известной кафешантанной певичкой и в те годы вошла в когорту знаменитых звезд Прекрасной эпохи. Ее главными конкурентками были бельгийская балерина Клео де Мерод, чьи воспоминания недавно впервые вышли на русском языке в издательстве «Этерна», и испанка Каролина Отеро, прославившаяся тем, что разделяла поочередно ложе абсолютно со всеми монархами старой Европы.

Но честно говоря, красота Лины Кавальери была ярче других. К тому же ее громкий успех совпал с изобретени-

ем фотооткрыток, был подписан контракт с популярным и талантливым парижским фотографом Леопольдом-Эмилем Рейтлингером, который довел образ прекрасной демимондентки до совершенства, чему немало способствовали тугие корсеты и сногшибательные наряды от великих парижских кутюрье – Ворта, Дусе и Пакена. Добавьте к этой заманчивой картинке драгоценности немалой цены – дары от щедрых поклонников – и вот перед вами образ утонченной красавицы Прекрасной эпохи, чьи многочисленные фотографии вы найдете в этой книге.

Мне повезло быть знакомым с людьми, лично встречавших Лину Кавальери. Одним из таких счастливцев был художник Эрте, великий мастер стиля *art déco*, с кем я был дружен и бывал у него в гостях. В интервью, которое он дал мне в 1980-е годы для газеты «Русская мысль», где я дебютировал в качестве постоянного автора статей о моде и истории эмиграции, Эрте назвал именно Лину Кавальери самой красивой женщиной мира, какую ему довелось когда-либо встречать, а прожил Роман Петрович Тыртов почти сто лет и знал многих красавиц.

Другой свидетельницей эпохи была моя двоюродная бабушка Ольга Петровна Васильева, в замужестве Дрябина, пианистка и выпускница курсов фортепиано Рапгофь. Ольга Петровна, сама женщина утонченная и главная модница в семье Васильевых, была на концерте Лины Кавальери в Петербурге и наблюдала такой удивительны момент. Слава ди-

вы была столь велика, что многие дамы и мужчины желали получить ее автограф. В ту пору самопишущих ручек еще не существовало, и на своих открытках Лина писала автографы либо мягким черным карандашом, либо синим. Поклонники покупали в фойе театра открытки с ее изображением и пачками клали их в тулью мужских канотье, которые меткие петербуржцы бумерангом запускали на сцену, где стояла Лина. Она ловко ловила их налету, подписывала и отправляла канотье обратно в зал!

Я также имел счастье лично знать и встречать Анастасию Цветаеву, написавшую о Лине Кавальери проникновенные строки в своих воспоминаниях: «Музыка! Смычки, струны, феерический вид оркестра. Вдруг что-то делается в конце залы, вспыхивает общим волнением, бежит сдержанным, — но разве удержишь? — шепотом, и глаза у всех устремляются к дверям. Может быть, встают все? Драгоценное имя, доносимое, шелестит по губам итальянцев и иностранцев. Имя, принадлежащее Красоте, ни с чем не сравненной, потому что она — Первая в мире! *La signora Lina Cavalieri!*.. Она вошла в зал, окруженная свитой, и я помню точеный профиль величавой и прекрасной женщины, знаменитой актрисы. Что-то жемчужное. Темноволосое. Темноглазое. И с протянутой руки ожившей статуи — текущая пена кружев».

Успех Лины Кавальери в России начался еще в конце XIX века. В 1897 году ей пришел контракт от петербургского купца Хабабулы Ялышева, который хотел ангажировать эту пле-

нительную красавицу в свой ресторан и кафешантан «Крестовский сад». Тогда Россия была самой богатой страной Европы, соперницей Великобритании и США, Петербург получил мировое признание как самая элегантная столица Европы, и желание попасть в Россию, славившуюся своими гонорами и щедрыми подарками от купечества и аристократии, было у Лины велико. На руках у звезды был маленький ребенок – наследие одного из поклонников, успех и неустроенная личная жизнь.

В Петербурге, где она провела около шести лет, Лина познакомилась с блестящим офицером, наследным князем Александром Владимировичем Барятинским. Он был выпускником Пажеского корпуса, офицером Нижегородского драгунского полка и сыном генерала, близкого высочайшему двору. Роман 23-летней итальянской красавицы и богатейшего русского офицера вспыхнул внезапно и ярко и подарил миру феномен Лины Кавальери. Я пишу эти строки не случайно: Лина была красивой кафешантанной певицей с замечательными внешними данными и слабым, но мелодичным, голосом. Забота князя Барятинского о своей возлюбленной позволила ей поступить в частную школу в Петербурге к знаменитой итальянской певице Маддалене Мариани – Мази. С ней Лина овладела основами итальянского бельканто, развила свои вокальные способности, свой певческий дар. Князь также значительно улучшил и благосостояние любимой женщины, одевая ее в Париже у лучших кутюрье и осыпая дра-

гоценностями – дорогими парюрами из бриллиантов, рубинов и изумрудов.

В 1901 году Лина Кавальери впервые дебютировала на оперной сцене в Петербурге в театре «Аквариум», где ныне расположен Ленфильм, в роли Виолетты в «Травиате». Ее ждал оглушительный успех, она получает ангажементы из самых престижных оперных театров мира – Лиссабон, Неаполь, Лондон, Монте Карло, Варшава, Флоренция, Москва, Харьков, Нью-Йорк. Согласно легенде, Лина была инициатором постройки оперного театра в Баку, куда ее пытались пригласить купцы Майловы в 1910 году. На ее вопрос, есть ли в Баку подходящее здание для выступлений, братья Илья и Даниил Майловы пообещали построить прекрасный оперный театр на 1 200 человек. Небывалый успех Лины Кавальери в России заставил импресарио пойти на хитрость и выпустить на подмостки вторую Кавальери, Марию, тоже итальянскую певицу со средними внешними и музыкальными данными, взявшей себе псевдоним знаменитой примадонны. Но Лина была неподражаема. Зрители запомнили ее Сантуццу в «Сельской чести», ее Таис, Недду, Тоску. Ее партнерами были знаменитые в то время итальянские певцы – Энрико Карузо, Титта Руффо и Маттиа Баттистини.

Роман с князем Барятинским стремительно развивался, уже шла речь о пышной свадьбе, и, если верить воспоминаниям самой Лины Кавальери, они тайно обвенчались в домово́й церкви Барятинских в Петербурге. Но вмешался им-

ператор Николай II. Допустить свадьбу высокородного князя и итальянской певицы он не мог, и в 1901 году Александр Барятинский женился на княжне Екатерине Александровне Юрьевской, внебрачной, но узаконенной дочери императора Александра II, внешне напоминавшей Лину Кавальери. Впоследствии Лина и Екатерина стали приятельницами и выходили в свет в Париже с их общей любовью, князем Барятинским, почему-то спонсировавшим этот любовный треугольник.

Потерпев фиаско на личном фронте в России, Лина Кавальери отправилась в Нью-Йорк, где очаровала другого мужчину и в 1908 году вышла замуж за миллионера Роберта Уинтропа Чандлера. Но их брак, по слухам, продлился лишь восемь дней, так как был раскрыт небрежно подписанный брачный контракт, по которому Лине Кавальери отходили многочисленные дворцы и особняки семьи Астор. Следующим ее мужем стал итальянский тенор Люсьен Мураторе, от него родилась дочь Елена.

В сорок лет Лина вышла на пенсию в оперном театре, но не завершила свою карьеру: она снялась в нескольких немых фильмах с душещипательными названиями – «Манон Леско», «Невеста смерти», «Вечная соблазнительница», «Завоевание любви», «Порывистая женщина», «Две невесты». Карьера Лины Кавальери в кино на этом не закончилась: ее образ так восхищал современников, что о ней были сняты художественные фильмы в 1920-х и 1930-х годах, где в ро-

ли этой дивы блистали актрисы Дорис Кин и Грета Гарбо. А несомненная итальянская красавица Джина Лоллобриджида снялась в роли Лины в фильме 1955 года «Самая красивая женщина в мире».

Красота, а вернее искусство ее сохранять и поддерживать станет новой профессией Лины Кавальери: после Первой мировой войны в прекрасном Париже она открыла салон красоты своего имени и написала знаменитую книгу о своих секретах ухода за собой. В годы правления Муссолини Лина вернулась на родину, в Италию, и еще раз вышла замуж, на сей раз за Джузеппе Кампари, автогонщика, моложе ее на восемнадцать лет. Лина овдовев в 1933 году и в тяжелые годы Второй мировой войны была военной медсестрой. Смерть настигла ее дома, в ее особняке в предместье Флоренции, когда бомба английской авиации попала прямо в дом в феврале 1944 года. Удивительный и трагический финал прекрасной дивы. Занавес закрылся.

Александр Васильев, историк моды, 2021

Правда обо мне

Глава I. Детство

В любой работе нет ничего тяжелее начать. Писать тем труднее, чем быстрее и беспокойнее предстают перед тобою воспоминания. Я сижу за столом, белые листы бумаги ждут моего торопливого почерка, что делает их менее холодными. Черное по белому – необходимый повседневный контраст! Я начинаю свою работу, которая, по правде говоря, не так проста, как все думают. Согласование идей и интересное повествование – это довольно сложная задача. Беспорядочная мешанина воспоминаний заполняет разум. Со странным оптическим эффектом образы приближаются и удаляются, так что трудно найти «фокус», сфотографировать внешний вид и «зафиксировать» ощущения. Как всегда, я буду следовать естественному импульсу и позволю мыслям течь по своему желанию из головы и сердца в послушную руку, чтобы записать их.

Итак! Я родилась в Риме 25 декабря... года, который я не помню, так как моя память тогда еще не имела возможности запечатлеть это. Я появилась на свет в более чем скромном переулке старого квартала Трастевере, где Джоакино Белли¹ мог черпать сюжеты для своей сатиры и поэтические описания людей и вещей. Мой отец, Фиориндо Кавальери – про-

¹ Б е л л и, Джузеппе Джоакино (1791–1863) – итальянский поэт, прославившийся своими сонетами, написанными на римском наречии.

стая и чистая душа, работал помощником архитектора, и его ум и, прежде всего, художественная чувствительность контрастировали с его невежеством, очень распространенным в те времена даже для тех, кто, как и он, происходил из семьи некогда богатой и украсившей свой герб короной маркиза. Как обеднела семья отца, я точно не знаю. Мне рассказывали о разногласиях между родственниками, о значительном наследстве, таинственным образом куда-то исчезнувшем, о давних судебных процессах – все это затерялось в старых архивах магистратуры Мачераты. Это не интересовало маленькую Наталину, которая испытывала нежную привязанность к отцу и позже никогда не выражала чрезмерного любопытства по этому поводу.

О самых первых моих годах можно написать очень мало. Жизнь шла безмятежно и счастливо в нашем скромном маленьком домике, пропитанном спокойствием и любовью. Между тем, чтобы составить мне компанию, родился младший брат Джованни, которого в детстве все называли просто Нино. Я отличалась неукротимой живостью, была настоящим маленьким дьяволенком. А главное – исключительная воля и упорство проявлялись на всех этапах моей жизни.

Мать пыталась всеми способами укротить мою чрезмерную независимость. Считая обычные формы убеждения бесполезными, она частенько прибегала к телесным наказаниям, которые имели не лучший эффект, чем любовные увещевания. Иногда, получив свою долю пощечин и упреков, я

уходила и плакала от беспомощности и гнева там, где меня никто не видел. Однажды, когда мне было семь лет, после заслуженного убедительного «урока» я ушла из дома и спряталась в соседнем здании, где осталась до наступления ночи. Я прекрасно помню, как меня охватил безумный страх. В каждом углу я видела призраков, представляла себе ужасные фигуры, поднимавшиеся в темноте, но я не хотела сдаваться. Наконец страх и голод вынудили меня укрыться на ночь у друга семьи, который жил на первом этаже. Всю жизнь я была очень независимой, полной упрямства и гордости.

Меня отправили в школу, где я училась до третьего класса. Мне было восемь лет, когда родился брат Орест, мой нежный товарищ на протяжении всей моей жизни. Это был самый спокойный период. После школы я бежала в парк у площади Гульельмо Пеле, где происходили яростные штурмы импровизированных фортов, за которые отчаянно сражались наши противники. Со своими сверстниками мы играли в «пике» или во «французскую войну». Мы собирались в пышном красивом саду, любимом месте всех мальчиков округа, они виртуозно просачивались в ярмарочные киоски без оплаты, воспользовавшись толкучкой и пролезая на четвереньках между ботинками-бурино и клетчатыми юбками. Я наслаждалась своей независимостью, гордилась силой и мужеством, чему мне часто завидовали соратники сильного пола. Не обращая внимания на тяжелые материнские упрёки, я приходила домой разгоряченная, поцарапанная, в рва-

ной одежде и сломанной обуви. Я хорошо знала, что вечером уставший отец вернется с работы и его ласка компенсирует все жалобы матери. Он обычно произносил одну фразу, сопровождая ее поцелуем: «Это такой возраст, бедняжка...»

Глава II. Бедность

Мне пришлось отказаться от всего этого, когда мать раскрыла печальное финансовое положение нашей семьи и предупредила, что теперь мы все должны стараться зарабатывать на жизнь. Много лет спустя я узнала, что произошло. Как я уже писала, мой отец был помощником архитектора, очень серьезным и честным человеком, его любили рабочие и высоко ценили хозяева. В то время он работал на объектах, которые строились в районе Трионфале. Его руководитель всегда был очень доволен им и предлагал всей семье бесплатное жилье рядом с ним. В благодарность за такую доброту отец работал с еще большим рвением. Но причины, побудившие мастера к такой доброте, были совсем другими. Старый ловелас решил сделать мою мать своей любовницей и несколько раз украдкой домогался ее. Бедная женщина категорически отказывалась, но боялась рассказать об этом мужу. Предприниматель не сдавался, и каждый раз, когда он встречался с мамой, его предложения становились все настойчивее. Близость дома и отсутствие отца способствовали этому. Однажды он застал мою мать одну дома с младшим ребенком на руках. Воспользовавшись отсутствием свидетелей и ничуть не смущаясь ребенка, мужчина набросился на мать и стал целовать ее в губы. Но надо знать простую душу добрых фермеров Витербесе, честных до крайности и абсо-

лютно нетерпимых к насилию. Мама положила ребенка и набросилась на домогателя с кулаками и оскорблениями. Вечером она обо все рассказала мужу. Отец подошел к предпринимателю и сильно ударил его. Но, к сожалению, никто не мог засвидетельствовать момент домогательства, и начальник назвал отца клеветником и уволил с работы. В это тяжелое время родилась моя сестра Джулия.

Мне было тринадцать. Меня отвезли к куме, чтобы научиться ремеслу швеи, но моя натура не выдержала этого. Я с трудом выносила замечания и упреки и однажды в гневе бросила шитье ей в лицо. После этого я ушла. Положение в семье становилось все тяжелее. Мать заболела, и я заменила ее: убиралась, делала покупки, ухаживала за братьями, Нино и Орестом, и сестрой Джулией. Квартира (кухня и комната), в которой мы теперь жили, на улице Наполеона III, была убожеством, отчего сердце мое сжималось. Но в подобные тяжелые минуты жизни, видимо для контраста, я всегда пела! Это были трели птиц под солнцем Рима, которое я обожала. Иногда это были ритмичные песни, иногда мелодичные рыдания, заменявшие завтрак или дополнявшие недостаточную порцию супа. Вечером это были сонные колыбельные для Джулии или прелюдии подзатыльника для Ореста. Самые сладкие и ностальгические воспоминания – это романсы утешения для страдавшей матери или усталого отца, измученного долгими поисками работы, разочарованного и обеспокоенного, чем кормить своих детей.

Так прошли печальные дни моей ранней юности, пока случай не привел меня в театр. Это было настоящей удачей. К нам в гости заходил сосед, учитель музыки, который работал в скромных концертных кафе в Риме и давал уроки начинающим певцам. Он услышал мое пение и сказал родителям, что с радостью научит меня несколькими песнями. Мне жаль, что я не помню имени этого хорошего человека, который подвигнул меня к артистической карьере.

«Дебютантка в концертном кафе», 1890-е годы

Мой репертуар начался с трех песен: *O Cavallo d'o Colonello*, *Streghe* и *Chiara Stella*. Приложив немало усилий, мне удалось устроиться в маленький театр на пьяцца Навона, где я зарабатывала не меньше лиры за ночь!

Для дебюта требовалось как минимум два костюма, но денег не было. Великодушный импресарио разрешил мне иметь только одно платье и ангажировал меня на тридцать вечеров – тридцать лир! Я купила голубую ткань и пару туфель на Кампо-деи-Фьори. Мы сшили платье дома за два вечера. Путь от улицы Наполеона III до пьяцца Навона был долгим, а я не могла себе даже позволить такую роскошь, как трамвай. Моя мама, моя добрая мама, сопровождала меня. Я помню, о ужас, обратный путь домой после спектакля, навстречу запустению и несчастью. Когда я вспоминаю тот период жизни, меня охватывает невыразимая печаль: если последующие победы сделали меня счастливой, я не могу без сочувствия думать о многих моих товарищах по искусству, кто вместе со мною поступил в театр и кому не суждено было подняться. Никто не знает, как страдает художник!

И вот мой дебют. Мне четырнадцать лет. Сохранились смутные воспоминания о жутком страхе: я почти ничего не вижу, что вокруг, звучит оркестр, фортепьяно, безликая сцена, разнородная и сонливая публика. Чья-то сильная рука подтолкнула меня к открытой авансцене, меня трясет, вступа-

ление к моей песне прозвучало уже дважды, за сценой слышатся властное шипение и угрозы. Дрожащие руки терзают бедное платье, которое плохо подходит к моему худому телу, рот не открывается, горло забито испугом. В этот ужасный момент я увидела нашу бедную квартиру – надо! Бессознательно я настроилась, и звук пошел. Потом звуки рояля стихли, раздались аплодисменты, и я, рыдая, упала за сценой. Когда много лет спустя американские газеты писали о моем голосе как о «теплом страстном рыдании», то снова вспоминала мой болезненный дебют. Возможно, в тот вечер в дымном зале на пьядца Навона мой голос приобрел эту особенность, рыдание навсегда смешалось с моими страстными нотами!

Глава III.Подъем

От песен в театре на пьяцца Навона я перешла к легендарному Орфею и Диоклетиану². Маэстро Мольфетта стал моим наставником и управляющим. С этого момента начался мой стремительный подъем. Значительно выросли заработки: десять – пятнадцать лир. Мой репертуар пополнился новыми песнями: *La Ciociara*, *Funiculi-Funiculá*, *La Francesca* Марио Коста³.

По сравнению с первым платьем мой гардероб стал поистине королевским: у меня было несколько туалетов... очень известной дамы! Горничная этой дамы продавала ее одежду, которую та больше не носила или никогда не носила. Я была одной из покупательниц. Помню, с каким трепетом я переступила порог служебного входа этого роскошного дворца. Мысль о возможности облачиться в костюмы принцессы сводила меня с ума, но без ложной скромности должна при-

² Д и о к л е т и а н, Гай Аврелий Валерий (244–311) – римский император, его приход к власти завершил так называемый кризис третьего века в Риме. Он установил твердое правление и устранил фикцию, согласно которой император был лишь первым из сенаторов (принцепсом), после чего объявил себя полновластным правителем. С его правления начинается период в римской истории, называемый «доминат». В 303 г., желая вернуть Риму былое величие, начал гонения на христиан.

³ К о с т а, Марио (1904–1995) – итальянский актер, певец, режиссер и сценарист.

знаться, что обхват моей талии был намного меньше, чем у знаменитой синьоры. Одно из этих платьев было определено обязано мне первой наградой за красоту, полученной в *Teatro Costanzi*, в Риме, по случаю карнавала. Этот факт во многом способствовал моей карьере.

Лина Кавальери, 1890-е годы

Затем меня пригласили в *Salone Margherita* и, наконец, Неаполь. Это стало для меня трамплином, чтобы совершить прыжок через Альпы и добраться до Парижа, где в *Folies Bergère* я достигла подлинного успеха. Париж! Великий город, завораживающий провинциальные души, необъятный международный мегаполис, оазис всех влюбленных! Я помню картинку французской столицы, которую я наблюдала однажды вечером из окна кафе на Елисейских Полях. Было холодно, свет уличных фонарей расплывался масляным пятном, как на промокательной бумаге. «Париж, – подумала я, – это огромная сцена величайшего европейского театра жизни, на которой актеры и зрители сменяются каждый день, готовые показать комедию или раскритиковать ее, в зависимости от того, надежды или разочарования, любовь или ненависть, счастье или горе, богатство или бедность, позитивное или фатальное преобладает в мимолетный момент нашего существования».

Нет, Лина, пожалуйста, продолжай повествование своей жизни. Я продолжаю. Вот я у дверей *Folies Bergère*. Давайте вместе войдем туда в день моего дебюта...

FOLIES-BERGÈRE

TOUS
LES
SOIRS

LA CAVALLERI

Афиша о выступлении Лины Кавальери в *Folies Bergère*

Глава IV. Карьера

Нравится ли вам зал? Все знают, какой он элегантный, кокетливый, хорошо освещенный, всегда полный исключительной публики. Пугает такое количество зрителей, которые либо поднимут палец вверх, либо опустят вниз, тем самым решив судьбу моей артистической карьеры. В примерной, заставленной цветами от поклонников, я завершаю макияж, внимательно осматриваю каждую деталь своего туалета. Звучит вежливый голос: *Mademoiselle, c'est a vous*⁴. Прохожу за кулисы, до меня доносится шум ожидающей публики. Оркестр начинает, я выхожу на сцену, пою, танцую, немного успокаиваюсь, уверенность возвращается, а вместе с ней и творческие возможности. В промежутке между припевами я понимаю, что публика следует за мною. Тысячи черно-белых фигур появляются передо мною, выстроившись в ряд; тут и там поблескивают драгоценности. Музыка останавливается, я кланяюсь на последнем такте итальянской песни, и меня оглушают громкие и продолжительные аплодисменты. Я победила. Таково было мое крещение в *Folies Bergère*, куда мы вошли вместе, а теперь можем выйти ночью из театра. У дверей ожидает толпа, чтобы проводить меня и снова крикнуть *bravy* с сильным бравлирующим *r* и четким ударением на *o*.

⁴ Мадемуазель, это вас (*фр.*).

На следующее утро появляются очень мягкая критика в газетах, письма и заявления, цветы и подарки. Вечером мое имя искрится среди тысячи огней на бульварах – новое шоу, новый успех. Через несколько дней бизнесмены, с цилиндрами в руках и неотъемлемыми гардениями в петлицах, подписывают три контракта.

Друзья, журналисты, поклонники спрашивали меня: «Какое впечатление производят на вас люди, которые восхищаются и аплодируют вам, эти завидующие женщины и многие мужчины, чувствующие ваше очарование и, возможно, желающие вас?» Я всегда отвечала своим собеседникам – застенчивость. Несмотря на то что все думают обратное, я очень стесняюсь. Даже сегодня, если мне приходится сидеть в партере театра, я жду начала спектакля, потому что выключат свет и мое присутствие будет незаметным. По этой причине я завсегдатай кино. Тогда, в старые добрые времена моего триумфа, я испытывала те же ощущения. Чем больше мною восхищались, тем сильнее я испытывала страх перед представлением.

Но когда начинала звучать музыка, она увлекала меня в иной мир, меня охватывала болезненная страсть, желание передать свои вибрации публике, жажда аплодисментов и комплиментов. Я бы сказала, что во время представления я хотела нравиться зрителям, а не отдельным мужчинам и женщинам. Я обожаю быть кумиром неизвестной публики, потерявшей для меня индивидуальность и ставшей однород-

ной в своей почти нереальной реальности.

По возвращении домой после концерта странное чувство ностальгии и печали охватывало меня. Я чувствовала себя одинокой, и хотелось плакать. Моя душа, которая незадолго до этого, казалось, просила мира и тишины, охваченная шумом театра, теперь в тихом доме желала грохота аплодисментов, криков зрителей, особой атмосферы. Как объяснить это противоречие? Может, человеческой ненасытностью или нестабильностью артистического темперамента? Скорее ностальгическим желанием того, чего уже нет. Неудовлетворенность настоящим, сожаление о прошлом, беспокойство о будущем. Что заставляло меня тысячу раз плакать перед римским закатом? Безусловно, это великолепный итог прошедшего дня и одновременно предзнаменование следующего рассвета. Не будем называть это нестабильностью и легкомыслием. Скорее это поиск идеального, чего, я убеждена, не существует, но остается сверхчеловеческое стремление к нему, и это может победить только смерть.

Лина Кавальери, 1900

«В Париже издали открытки с моими портретами»

Глава V. Чего хотел махараджа?

Из Парижа я отправилась в лондонскую *Empire*. В общем-то не стоило было и вспоминать этот период «эстрадной» работы, так как с художественной точки зрения он не представлял особого интереса, если бы пребывание в английской столице не напомнило бы мне о первом романе в моей жизни – в прекрасном итальянском городе Флоренции. Об этих двух сюжетах было так много разговоров, что я не могу не вспомнить их на страницах этой книги, где самые важные моменты моей жизни нашли свое место.

Однажды вечером старый друг и поклонник, лорд Чаплин, пригласил меня на обед в свой роскошный дворец по случаю моего отъезда в Берлин. Я всегда очень неохотно принимала приглашения, но в тот раз я не могла отказать, учитывая особую личность и настойчивость почтенного поклонника. В восемь часов я вошла в великолепный дом лорда. Приглашения были составлены по строжайшему протоколу, и вся лондонская элита была широко представлена. Среди безупречных джентльменов выделялся махараджа Г., голова которого была увенчана величественным тюрбаном. Он удержал мою руку в своей, поднес к лицу и поцеловал. Мужчина пристально посмотрел на меня, глаза сверкали ярче драгоценностей, украшавших его костюм. Я с трудом выговорила несколько слов по-английски, а он стал осыпать ме-

ня многочисленными комплиментами. За столом он сидел рядом со мною и ни на мгновение не отрывал от меня взгляда, наблюдая со стороны с раздражающим меня упрямством.

Это был крупный мужчина, его бронзовая кожа странно поблескивала, а внимательный взгляд вызывал у меня чувство отвращения и страха. Обед закончился, и я вздохнула с облегчением, а когда спела несколько песен перед этой внимательной и исключительной публикой, то неприятные впечатления от этого Будды вовсе улетучились из памяти. Вернувшись в отель, я мирно уснула.

На следующий день меня ждал странный сюрприз. В записке было написано, что мое искусство покорило махараджу и он желает снова увидеть и услышать меня у него дома. Я пыталась отказаться от такой большой чести, но на невозмутимом лице посыльного я прочла безграничное изумление: как я могу отказаться от приглашения и, возможно, нарушить азиатские традиции, как мне хватает на это дерзости. Совсем сбитая с толку, я пробормотала «спасибо». Я лишь смутно поняла, что в семь часов вечера карета Его Высочества приедет за мною.

Как только посланник ушел, меня охватил ужас, мне вспомнились откровенные и нетерпеливые взгляды могущественного восточного монарха. Я читала и слышала тысячу раз о свирепости азиатских лидеров, которые считают женщин рабынями, всегда готовыми исполнить их желания. Что он от меня хочет? Что я буду делать одна в обители этого мо-

гущественного государя в окружении его верных слуг? Чувство отвращения, которое я испытала к нему при нашей первой встрече, еще более усилилось, я проклинала этот город, который познакомил нас, свою слабость и то, что не смогла категорически отклонить это приглашение.

Но другая часть меня, рассудительная, пыталась смягчить мои страхи. С другой стороны, махараджа был культурным человеком и, может быть, испытывал по отношению ко мне восхищение, какое иногда испытывают к художнику? Может, его намерения абсолютно невинны? В конце концов, он был известным человеком в Лондоне и пригласил меня к себе в квартиру в центре города, а не в дремучий лес. В таких размышлениях прошел остаток дня, и когда в семь часов подъехала карета, я спустилась по лестнице, и дверь экипажа захлопнулась за шлейфом моего вечернего платья. Я в одиночестве забила на заднее сиденье.

Вдруг меня испугала одна мысль: прошло уже более получаса. Я выглянула в окно, город закончился, и мы въезжали в пригород. Последние дома Лондона исчезли, и лошади устремились в темноту. Я вскрикнула от испуга. Тут карета остановилась, дверь открылась, и в желтоватом свете фонарей я увидела секретаря махараджи, который после глубокого поклона вскарабкался в карету и сел рядом со мною.

Карета продолжила свой путь в неизвестность. Я плакала и отчаянно боролась со своим страхом. Я видела бронзовый профиль моего попутчика, который, казалось, не за-

мечал моего присутствия. В ужасе я схватила его за руку и встряхнула. «Куда вы меня везете? – крикнула я. – Остановите карету! Вернитесь! Я хочу домой». Секретарь не ответил. Я попыталась встать и открыть дверь, но сильная рука схватила меня, и я снова села. Толчок – и лошади остановились. В отчаянии я встала и схватила своего тюремщика за шею. Не знаю, что случилось, только смутно помню, что окно экипажа с грохотом разбилось, дверь открылась, и я бросилась в ночь из кареты, которая уже быстро ехала в сторону безлюдной местности. И я отключилась.

Когда через несколько часов я очнулась, то оказалась в своей постели в гостиничном номере. Я бы могла подумать, что все это мне приснилось, если бы не резкая боль под левым виском, и я поняла: вся голова тщательно забинтована. Падение оставило у меня многочисленные синяки и глубокую рану на лице, несомненно вызванную разбитым стеклом. Рана была неопровержимым свидетельством этого индо-лондонского приключения, вокруг которого почти не было шума. Я так и не узнала истинных намерений махараджи по отношению ко мне в тот ужасный вечер. Меня до сих пор спрашивают, откуда у меня этот шрам под левым виском.

Лина Кавальери, 1900

Этот шрам немало повлиял на мою репутацию фатальной

женщины, но теперь вы знаете, насколько фатальным было это падение на неизвестной проселочной дороге в тот вечер, когда махараджа желал снова услышать мое пение.

Иногда, вспоминая мою жизнь, я думаю, что, возможно, мой страх был абсолютно необоснованным или, по крайней мере, преждевременным. И что случилось бы со мною, если бы я не выскочила из экипажа, а последовала за судьбой, которая привела бы меня во дворец и, кто знает, позже в загадочную Индию. Признаюсь вам откровенно, что я предпочитаю иметь этот шрам, возможность оставаться художником, владычицей своей души и тела, чем великолепие драгоценных камней на голове и рабство, когда душа уничтожена, а тело заключено в тюрьму. Не знаю, все ли женщины думают как я.

Глава VI. Романтизм

В другой раз я оказалась, не осознавая этого, персонажем комедии, отличной от только что рассказанной драмы, но не менее интересной и неожиданной. Я была во Флоренции и пела в «Травиате», в театре *Pagliano*⁵ спектакль шел с большим успехом. Очень часто восхищение публики распространяется и на частную жизнь артистов, иногда в очень любопытной форме. Многие считают, что актриса – это не такая же женщина, как все остальные, а нечто исключительное, что в повседневной жизни она не подчиняется общепринятым правилам. Она причудливо красится и одевается; у нее много драгоценностей, но не от мужа, а от любовников; она ест не днем и вечером, а нерегулярно в разное время; она не ложится в десять вечера и не встает в семь утра, а развлекается ночью и выходит только к вечеру; она эксцентрична и по своему характеру, и по своему видению мира и моральных законов, поэтому многие приходят к выводу, что она не живой человек, а Художник! Очевидно, этот ореол исключительности помогает создавать легенды, порой принимающие очень странные формы. В Италии, например, это становится причиной страстной влюбленности экзальтированных молодых людей или страстных мужчин, жаждущих исключительности. В жаркой Сицилии, где мужское сердце вибриру-

⁵ Ныне театр Верди.

ет тем сильнее, чем ярче светит солнце, молодые люди иногда кончали жизнь самоубийством из-за безнадежной любви к актрисе. Этим я обязана своему флорентийскому приключению.

«Художник иногда причудливо одевается»

Я какое-то время работала в городе Данте⁶ и искала для себя водителя машины. Однажды появился молодой человек в отеле *Baglioni*, где я остановилась. Вежливый и сдержанный, он предоставил хорошие рекомендации как серьезного и опытного водителя. Красивый молодой человек мало говорил, внимательно слушал просьбы, и казалось, что он отвечал не губами хорошей формы, а своими большими черными глазами. Однажды утром я ждала машину, чтобы поехать на небольшую прогулку в Кашину. Водитель, всегда вовремя подававший машину, в этот раз запаздывал. Напрасно я ждала более получаса и потом решила позвонить в гараж, чтобы узнать, что случилось. Там ответили, что машина стоит на своем месте и водитель не приходил. Мы вместе со своей помощницей, синьорой Мариани, придумывали самые разные предположения, когда официант передал мне пакет в элегантной упаковке, сопровождаемый письмом: «Мадам, пора опустить занавес. Я обожаю вас больше всего на свете, пытался приблизиться к вам, сделать вас своей. Ваша отчужденность свела меня с ума. Я хотел войти в вашу жизнь, стать невидимым слугой, поскольку мое сердце полностью подвластно вам. За два месяца ежедневного общения я понял, что безумно надеяться на вашу любовь. Я открываю тайну: я герцог Раймондо Т., кто пытался завоевать вашу

⁶ Флоренцию часто так называют, так как здесь прошли детство и юность Данте.

душу, считая это достижимым. Я обманут. Вместе с машиной я оставляю в гараже свои неосуществленные желания, одно из самых сильных мечтаний в моей жизни! В маленьком футляре лежат 1200 лир, зарплата водителя за два месяца, которые вы мне заплатили. В посылке вы еще найдете скромный подарок – напоминание обо мне. Я ухожу с болью в сердце, постоянно думая о вас. Нежно целую ваши руки. Ваш Раймондо Т.».

Лина Кавальери, конец 1890-х годов

В пакете лежали указанные деньги и драгоценный камень. Вы не представляете, как я была поражена: герцог Раймондо ди Т., старший сын одной из самых древних и благородных сицилийских семей, был героем этого удивительного приключения, которое, должна честно признаться, произвело на меня сильное впечатление. Я бережно храню его письмо и драгоценный камень, вызывающий восхищение знатоков во всем мире. Напрасно я пыталась поговорить со своим странным водителем. Некоторые друзья из Палермо хорошо его знали, но он уехал в Австралию, а несколько лет спустя мы узнали о его смерти. В моих воспоминаниях Раймондо ди Т. занимает место, предназначенное для очень немногих: будучи жертвой своего идеализма, он отдал все, ничего не прося, и пожертвовал всем, ничего не ожидая. Этот нежный эпизод я вспоминаю с благодарностью, это ностальгическое воспоминание о моей беззаботной юности, о неизведанной чистой любви.

Глава VII. Я стала принцессой

Россия. В небольшом прямоугольнике окна поезда, на три четверти прикрытом занавеской, передо мною представляла природа во всех своих возвышенных проявлениях. Поезд непреодолимо вез меня в новый мир, и казалось, что первые лучи дня материализовались в великолепный рассвет моей жизни. Белый, белый, белый снег. То тут, то там онемевшее и изможденное деревце на белом неподвижном пространстве, одинокий скелет на бесконечном смертном одре! С первым бледным лучом солнца на туманном жемчужно-сером фоне появляются розовые отблески. Вокруг тишина, запустение, бесконечность. Локомотив хрипло шипит. Снег, снег, снег. Ни одного следа. Телеграфные столбы застряли на четких расстояниях, бросали вызов морозу, заблудившись в недавно покинутой ночи, и рассекали панораму короткими отчетливыми эпизодами. В купе холодно, и становилось еще холоднее, глядя на морозную стужу за окном, за которым промелькнула одинокая и заблудшая лохматая собака. Огонь в нашем локомотиве, пожиравший его недра и мощно устремлявшийся к небу, мог бы придать теплоту и цвет воздуху, но он распадался на несколько неопределенных цветов, которых нет ни в одной палитре, и фантастическим сиянием отражался на льду, стирая с горизонта бледно-серую белизну прямо перед моим взором и переливаясь нежными оттен-

ками. Неподвижно застыв в своей холодной постели, устремив взор в бесконечность, я без слов поклонялась богу вечной гармонии в этом ледяном царстве. Это мой первый рассвет в Святой Руси Великой. На коротких остановках с почти кинематографической скоростью мы замечали фигуры живых людей, закутанных в мех, – скульптуры, разбросанные на бесконечной железной дороге на пути в город русского царя.

Я приехала в Петербург. Потребовались бы целые тома, чтобы в деталях описать Россию того времени. Прежде всего, потребуется перо Льва Толстого... и бесконечность, чтобы ощущение было полным. Петербург стал для меня успешным началом моей карьеры на эстраде, официальным вступлением в элегантный мир, первой реализацией моей мечты стать оперной певицей. Выступая в театре «Крестовский остров», я добилась настоящего триумфа. У русских всегда было особое пристрастие к итальянским артистам, и у меня появилось много поклонников в элегантном мире столицы, которые заполняли театр каждый вечер. Среди них первое место занимал полковник Павловский, вежливый и преданный, именно ему я обязана знакомством со своим первым мужем. Я не могла впервые по-настоящему полюбить простым и естественным образом, судьбе было угодно, чтобы это тоже добавилось к остальным странностям моей жизни.

В тот вечер было очень холодно, термометр опустился до -25° , и меховое мантио не могло согреть мое тело, одетое в платье с глубоким декольте. Я присутствовала на обеде в

роскошном Павловском дворце. Прекрасная еда и вкусные вина, особенно необходимые в холодные вечера, что вызвало обильное возлияние у мужской части гостей. Длинная вереница элегантных офицеров в роскошных мундирах императорской гвардии и казаков, шутки в адрес одного из них, кто принес жертву Вакху больше, чем другие. В него летели острые стрелы, выпущенные его товарищами. Это был красивый молодой блондин с большими миндалевидными голубыми глазами в обрамлении очень длинных ресниц. Когда он улыбался, безупречные белые зубы соблазнительно подчеркивали губы, украшенные маленькими коричневыми усиками. Высокий, худой, элегантный, в его движениях была видна гармония, характерная для настоящих джентльменов. И действительно, Александр Владимирович Барятинский, адъютант герцога Евгения Лейхтенбергского, был наследником и потомком очень знатного рода, который на протяжении столетий хвастался великолепной королевской короной. Он говорил мало, был очень умен и разносторонне образован.

«Такой я была в России...»

Александр Владимирович Барятинский, конец 1890-х годов

В тот вечер в доме Павловских лейтенант Барятинский был единственным, кто не ухаживал за мною, хотя был очень вежлив, а смотрел на меня своими ясными голубыми глазами, в которых угадывалась детская душа и необычайная доброта. После обеда начались танцы, и я с удовольствием танцевала, потому что всегда испытывала страсть к искусству Терпсихоры. Барятинский не танцевал! Он сел у окна и рассеянно читал какие-то журналы, перемежая чтение несколькими глотками вина. Вдруг я увидела, как лейтенант, кого я ни на минуту не упускала из виду во время танца, побледнел и упал в кресло без сознания. Музыка стихла, и все бросились к нему. Находившийся среди гостей врач осмотрел его и объяснил это пороком сердца, которому Барятинский был подвержен. Принесли немного соли и ликера, и вскоре после этого больной очнулся на кровати в комнате во дворце, куда его унесли на руках. Из-за искреннего сочувствия я последовала за лейтенантом в комнату и, когда он очнулся, оказалась у его постели вместе с доктором и двумя офицерами. Он открыл глаза, странно на меня посмотрел и, не обращая внимания на других, произнес несколько слов, которые я отчетливо помню, как будто они прозвучали вчера: «Вы?! Спасибо. Это шутки моего сердца». Он нежно на меня посмотрел, встал, послал за своими санями и, поддерживаемый двумя друзьями, покинул вечеринку. Перед отъездом он сказал мне несколько слов тихим голосом, будто слова утонули в снегу.

Через месяц в очаровательной часовне православный свя-

щенник благословил нашу свадьбу с Александром Барятинским. Саша (так его называли родители) возложил мне на голову княжескую корону, и я добровольно принесла себя в жертву любви.

Глава VIII. Замужество

Как это часто бывает, корона на моей голове сделала меня знаменитой. Я уже не была просто Линой Кавальери, итальянской звездочкой, красивой, обаятельной и со многими другими превосходными степенями, какими был перегружен словарь моих поклонников. Теперь же я стала роковой женщиной, которой удалось влюбить в себя русского князя, выйти за него замуж и стать... принцессой. Очевидно, это один из странных и необъяснимых феноменов психологии толпы. Благородный титул, как волшебная мантия, опустился на мою прошлую жизнь, придал очарование тому, что было обычным, и оправдывал то, что нелегко оправдать. Прекрасной Линочкой, как меня называли, всегда восхищались, творческие достижения стали исключительно чудесными. Это было мнение большинства, но не мое.

Я распрощалась с Варьете, и в моей голове затаилась заветная мечта. Случай снова оказался для меня благоприятным. Я вращалась в художественной среде, которая в Петербурге была очень многочисленной. Моя великолепная квартира, многочисленные слуги, богатый фарфор и изысканное серебро часто были к услугам мировых знаменитостей искусства. Это были гости бывшей певицы Лины Кавальери, а ныне княгини Барятинской. Но при этом я всегда мысленно возвращалась в наш маленький бедный домик на улице На-

полеона III, где страдала от холода и голода. Хвастаясь великолепными драгоценностями, я вспоминала позолоченное серебряное кольцо, которое подарил мне отец на Рождество.

«Саша возложил мне на голову княжескую корону»

Среди многочисленных гостей я особенно выделяла

Франческо Маркони⁷, его называли «Чекко», «незабываемый римлянин», превосходный тенор. Именно он подтолкнул меня к совершенствованию пения, чтобы потом посвятить себя оперному искусству. По его совету Маддалена Мариани Маззи⁸ стала моим учителем и очень часто разрешала множество болезненных ситуаций, особенно в начале моей карьеры.

Но я хочу упомянуть и другие имена, не для того чтобы продемонстрировать список известных личностей, любимых публикой разных стран, а потому что это дорогие для меня люди. Из воспоминаний встают образы, вызывающие в моем сердце нежность и благодарность: незабываемый итальянский тенор Анджело Мазини; кумир русской публики, баритон Маттиа Баттистини; колоратурное сопрано Луиза Тетраццини; бас Витторио Аримонди; австрийский оперный певец Йозеф Кашманн; один из лучших теноров в истории оперного театра Франческо Таманьо; великий Энрико Карузо; скрипач и певец Джузеппе Ансельми; итальянский баритон Антонио Скотти и гитарист-волшебник, самый дорогой

⁷ М а р к о н и, Франческо (1853/1855–1916) – итальянский оперный певец (тенор), сделавший большую международную карьеру. В 1924 г. авторитетный биографический словарь музыкантов назвал его «одним из самых известных и уважаемых певцов последних 50 лет». Вместе со своим великим современником Франческо Таманьо (1850–1905) считается первым итальянским тенором, оставившим репрезентативное наследие акустических записей.

⁸ М а з и, Маддалена Мариани (1850–1916) – итальянский педагог сопрано и вокала. Она пела главную партию в опере Понкьелли «Джоконда» в 1876 г. в «Ла Скала», в Милане, играла в нескольких итальянских театрах и в Барселоне.

спутник моих творческих начинаний, сердечный друг и со-
отечественник Тото Амичи.

Маэстро Тото Амичи, 1910

Я путешествовала по Европе с мужем, с нетерпением ища счастье, которое в двадцать лет вы хотите получить любой ценой. Это время моего безумия – Саша. Ни одно из моих желаний не осталось невыполненным. Общее восхищение, окружавшее меня, опьяняло его, делало счастливым: женщина, о ком мечтало немалое количество мужчин, была его женой. Он чувствовал себя обладателем бесценного сокровища, охранял меня ревливой любовью и, не жалея денег, осыпал меня великолепными драгоценными камнями. В то время я тоже гордилась собой, чувствовала себя красивее других, уверенной и неотразимой. На вечеринках, где мы присутствовали, я была королевой, пожираемая сладострастными взглядами. При русском дворе, великолепие которого было невообразимо, я отличалась простотой своей одежды, потому что в первые годы моей супружеской жизни с Сашей Барятинским моя свежая красота и изысканные драгоценности не боялись соперников. Сегодня Лина Кавальери, которой уже нет двадцати и она уже не баснословно богатая принцесса, пересматривает ту безмятежную жизнь, эпизод за эпизодом, деталь за деталью, и оценивает этот период жизни как самый глупый и бесполезный. Сегодня то, что казалось тогда незаменимым, бесполезно; сегодня глупо то, что казалось превосходным. Те, кто верит в историческую критику, утверждают, что только она может объективно оценивать события. Но мой рассказ о слишком недавних событиях, чтобы быть предметом исторической критики. Это просто вос-

поминания княгини Линочки Барятинской.

Лина Кавальери, 1890-е годы

Глава IX. Мечта об искусстве

Театральная среда, окружавшая меня, и новые экономические возможности несомненно способствовали реализации моей самой заветной мечты. Успехи на эстраде, которых я добилась сначала в Италии, а затем в Лондоне, Париже, Берлине, Петербурге, не смогли отвлечь меня от этих мыслей. Я понимала, что театр присматривался ко мне, и это вдохновило меня еще больше. Петь в опере, играть на сцене в образе какого-нибудь персонажа, творить совершенное искусство! Концертная деятельность всегда представлялась мне чем-то неопределенным. Возможно, здесь актер может достичь определенного личностного успеха, но душа не может быть полностью удовлетворена. Всем своим умом, сердцем, чувствами я стремилась к более совершенному проявлению искусства. Моя артистическая душа желала нечто большего.

«Оперный театр вдохновил меня»

Возможно, публика будет недовольна, но меня это никогда не беспокоило и не было препятствием на пути к моей мечте. Когда поднимался занавес, у меня было только одно непреодолимое желание – выйти на сцену поближе к дирижеру и оркестру и петь, от гипнотического сна меня могли разбудить только аплодисменты или... проявление аплодисментов. Странная моя душа!

Музыка пленила меня, единственное, что меня действительно волновало, – это моя работа. Ну а мужские победы – потом, и я, женщина, была их целью. Женщина никогда не побеждает мужчину, он позволяет себя победить, только если она этого хочет, если ей это подходит, если ей нечего делать, если, если, если... – тысяча условий.

Глава X. Мои «оплошности»

Наконец, настал день, когда муж разрешил мне выйти на оперную сцену. Именно в Королевском театре Лиссабона я дебютировала в опере Леонкавалло «Паяцы». Португальская столица тепло приветствовала мою интерпретацию Недды, но эта роль связана с неприятным происшествием. Импресарио испытывал некие желания по поводу меня, что совершенно не разделялось другой заинтересованной стороной, а потом решил отомстить мне совершенно подлым образом. В отместку за меня и других жертв его деяний я назову его имя – Пачини.

Лина Кавальери в роли Недды в опере Леонкавалло «Паяцы»

Во второй вечер я пела «Паяцы», театр был переполнен, присутствовали даже правители Португалии. Когда я пела

свою партию, то заметила, что с левой авансцены, которая была сценой труппы, развлекались двое юных зрителей, повторяя все мои движения и язвительно смеясь. Я немного потерпела, но, когда увидела сардоническую улыбку импресарио, забыла, что я на сцене, что меня услышат два государя, что публика заплатила за спектакль, прервала свою сцену, крикнула что-то оскорбительное шутникам и при всеобщем удивлении ушла в свою гримерку. На сцену вышла полиция, зрители свистели и топали ногами, все возмущались моим поведением, даже друзья – тенор Гарулли⁹ и баритон Де Лука¹⁰. Меня даже хотели арестовать. Я выкрикивала ругательства в сторону импресарио, но он, к счастью, не появился.

По настоянию друзей я решила продолжить спектакль, но в тот момент, когда собралась выйти на сцену, увидела, как с противоположной стороны на сцену вышла другая артистка мне на замену. Несчастную женщину встретили свист, крик, смех. Я уехала первым же поездом, чтобы никогда больше не появляться в Лиссабоне. Так закончилось мое выступление в опере «Паяцы» в присутствии государей.

Хотя я никогда не участвовала в политике, будучи убежденной монархисткой, у меня фатальным образом случился ряд «оплошностей» относительно королевских особ. Вто-

⁹ Гарулли, Вальдо (1888–1951) – итальянский певец (тенор), музыкальный педагог и музыковед.

¹⁰ Де Лука, Джузеппе (1876–1950) – итальянский и американский оперный певец (баритон). Он оставил заметный след в опере. Его карьера длилась очень долго.

рой случай был произвольным. Я была в Берлине в качестве туриста. Однажды утром я ехала по пустынной дороге, самостоятельно управляя лошадьми, отпустив их чуть ли не галопом. Кучер с трудом вырвал поводья из моих рук и с большим усилием сумел остановить животных, но избежать столкновения с другой повозкой, появившейся на перекрестке, не удалось. От удара конь даже упал. Побледнев от ужаса, я спустилась с облучка и не заметила, что очень элегантный джентльмен вышел из экипажа, на который мы наехали. Его голос удивил меня, и я обернулась, чтобы посмотреть на собеседника. Мужчина был безупречно одет в костюм для верховой езды. Он обратился ко мне по-немецки, я же ответила по-французски. Это был кайзер¹¹. Вежливо спросив, нужна ли мне помощь, он вернулся в карету и уехал. Пораженная, я стояла посреди дороги и смотрела вслед отъезжавшей карете, с трудом осознавая, что со мною говорил потомственный принц, которого видела еще маленьким во время его первой поездки в Италию, в Рим. Я всегда думала, что это неожиданное и несколько жесткое столкновение было мне суждено, чтобы я смогла поговорить с императором Германии.

¹¹ Вильгельм II (Фридрих Вильгельм Виктор Альберт Прусский) (1859–1941) – последний германский император и король Пруссии (1888–1918). Царствование Вильгельма было ознаменовано усилением роли Германии как мировой промышленной, военной и колониальной державы и завершением Первой мировой войны, поражение в которой привело к свержению монархии в ходе Ноябрьской революции.

Безусловно, это было прелюдией того, что со мною произошло однажды в Петербурге, с императором Николаем II. Время от времени государь проводил музыкальные вечера в Императорском дворце. Мои выступления в России были закончены, но мой импресарио решил доставить мне удовольствие и представить меня царю. На мои возражения о невозможности участия в этом вечере из-за обязательств, которые заставляли меня вернуться в Париж, импресарио возразил, что программа была представлена государю и одобрена, так что делать нечего. Но в тот вечер, когда меня ждали при русском дворе, я села в поезд и уехала в Париж. Меня всегда упрекали за это. Конечно, это была моя большая «оплошность», когда царь всея Руси соизволил принять меня в начале моей карьеры.

Лина Кавальери, 1890-е годы

Последний случай произошел в Мариенбаде. Маркиза де Гама пригласила меня на музыкальный вечер, пришлось петь. Среди присутствовавших был король Англии Эдуард

VII¹². Он был очень вежлив, слушал меня с интересом, а когда подошел ко мне с комплиментом, спросил, знаю ли я романс «До свидания» Франческо Паоло Тости¹³. Король был большим другом и искренним поклонником великого музыканта, автора *Marechiare*. Я не знала этого романса и по названию *Goodbye*, не знаю почему, решила, что это веселая и легкомысленная песенка. Я решила подчеркнуть свою художественную восприимчивость и немного сухо ответила: «Нет, сир, это недостаточно серьезно для меня. Я такое не пою!» Изумленный король Эдуард лишь ответил мне коротким вопросительным междометием. Лишь несколько лет спустя я услышала этот знаменитый романс, полный чувства ностальгии, и поняла весь ужас моей «оплошности» и высокомерия.

Я могла бы рассказать десяток подобных историй, которые произошли в присутствии правителей, включая короля Греции Константина¹⁴ и двух азиатских эмиров, но предпочитаю хранить это в тайне, потому что, во-первых, хотя

¹² Э д у а р д VII (Альберт Эдуард) (1841–1910) – король Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, император Индии (1901–1910), австрийский фельдмаршал (1904), первый из Саксен-Кобург-Готской (ныне Виндзорской) династии.

¹³ Т о с т и, Франческо Паоло (1846–1916) – итальянский композитор, певец, педагог, придворный музыкант английских королей.

¹⁴ К о н с т а н т и н I (1868–1923) – король эллинов в 1913–1917 и 1920–1922 г., второй на греческом престоле из династии Глюксбургов, первый Глюксбург, родившийся в Греции.

эти истории правдивы, они нисколько не свидетельствуют о моей серьезности, а во-вторых, даже искренне рассказывая о своей жизни, не стоит забывать французскую пословицу *Surtout pas trop de zèle*¹⁵.

¹⁵ Особенно не слишком усердствуй (фр.).

Глава XI. Опера

Мое возвращение в театр совпало с первым разводом, а окончательный уход из искусства связан с моим последним браком. Эта фатальная противоположность постоянно вызывала новые испытания. Почему я развелась с Сашей Барятинским? По нескольким причинам, среди которых главная – невозможность оставаться женой адъютанта великого князя Евгения и продолжать выступать на сцене. Согласно жесткому протоколу русского двора, это было немыслимо, поэтому мне пришлось низложить свою княжескую корону. Сегодня я даже не могу вспоминать тот период моей жизни, не чувствуя в сердце жгучую боль и тоску. Саша подчинился воле государя, как солдат подчиняется приказу. Его душа разрывалась от страданий, когда ему было объявлено решение царя. Он не мог согреть свое замерзшее сердце, несмотря на тщетные усилия его семьи и друзей. Саша был похож на дерево, которому обрубili корни, он стал топить свою боль и одиночество в алкоголе и медленно увял, уйдя в холодную могилу на флорентийском кладбище, где он хотел, чтобы его тело, которому еще не было и сорока, упокоилось. Он желал, чтобы его похоронили в Италии, как дань уважения моей родной земле. Он перестал страдать в городе цветов и искусства, который очень любил.

Лина Кавальери, 1890-е годы

Саша! На страницах этих воспоминаний я хочу выразить тебе самые глубокие чувства, мое сердце всю жизнь хранило любовь к тебе! Пусть этот неугасаемый факел в моей груди будет для тебя чистым утешением, я благословляю память о тебе! Не цветы я кладу на твою могилу, а дань любви и уважения! Не цветы! Ты во мне как пламя добра, оно не гаснет, согревает меня, оживляет меня! Навсегда!

Для тебя я впервые пела в «Богеме» Пуччини в неаполитанском театре «Сан-Карло». Спектакль имел большой успех, который открыл для меня двери величайших театров Милана, Палермо, Флоренции, Триеста, Генуи, Парижа, Пе-

тербурга, Лондона, а затем и за пределами Европы. Но первый раз в моей жизни единственным серьезным препятствием для успеха оперной певицы стала моя широко известная... красота. Коммендаторе Тито Рикорди, кому я выражаю свою преданную дружбу и нежную симпатию, был свидетелем этого. Он помнит, как ему приходилось бороться за меня даже со своим отцом, известным музыкальным издателем¹⁶, который даже не хотел видеть и слышать меня, потому что боялся, что на его суждение повлияет моя внешность и репутация красивой женщины. Я всегда много пела для фирмы *Sonzogno*, но с большим трудом смогла преодолеть сопротивление старого Рикорди, боязливого с художественной точки зрения. Это был самый активный период в моей карьере, я работала так, как могут представить только те, кто занимался искусством. Вскоре я уже пожинала плоды своих усилий: у меня был большой успех и большие гонорары.

Но на сцене моим самым большим врагом была красота, и прежде всего в «Метрополитен» в Нью-Йорке. Даже авторы, доверявшие мне значительные роли в своих операх, и Пуччини, и Леонкавалло, и Джордано, и Массне, которые все были моими искренними друзьями, признавались в своем априорном недоверии к моему искусству, пока публика не воздавала ему должное. Хочу процитировать письмо Джако-

¹⁶ Р и к о р д и, Джулио (1840–1912) – итальянский редактор и музыкант, который в 1863 г. присоединился к семейной фирме, музыкальному издательству *Casa Ricordi*, открытому его дедом и отцом.

мо Пуччини, написанное Тито Рикорди после моего первого исполнения роли Манон Леско в «Метрополитен»:

«Нью-Йорк, 19 января 1907 года.

Дорогой Тито, Нью-Йорк необыкновенный! Премьеру “Манон Леско” невозможно описать. В первом акте шесть приветствий от режиссера. Невероятные овации, невиданные ранее! После второго акта я выходил семь раз! После третьего я остался на сцене, аплодировал артистам, а публика кричала и рукоплескала. Кавальери – мои приветствия. Она действительно поразила меня своим темпераментом, особенно в эмоциональных моментах. Карузо – необыкновенный, неординарный де Грие. Скотти тоже очень хорош. Оркестр живой и колоритный.

Горячий привет тебе и папе.

Ваш Джакомо».

Энрико Карузо, 1903

Но даже этого было недостаточно, чтобы убедить «папу», который, я полагаю, читая письмо Пуччини, покачал головой и посчитал, что Джакомо тоже... околдован моей красотой. Бедная я, бедная.

Глава XII. В Италию

Я никогда не забуду свое крещение в Неаполе, в театре «Сан-Карло». Этот город позволил мне испытать невероятные ощущения. Италия! Моя родина! Тебе я обязана нежной частью моей души, моим искусством. Италия! Тебе мое извечное признание в любви, ностальгическое благословение, мое восхищение каждым сантиметром твоей земли! Если правда, что искусство, как божественное проявление красоты, не имеет границ, в пределах которых оно может быть ограничено, что у него нет родины, оно не принадлежит какому-либо народу или расе, то не менее верно, что художник, следуя за национальными обрядами, литургическим образованием, полученным им при рождении, свойственным для его собственной крови и происхождения, несет в себе неизгладимые стигматы своей родины. Мы, итальянцы – дети искусства, в своем доме, в стране вулканов, бескрайнего моря и неприступных гор, несем в мир величайшие шедевры художественного самовыражения. Во всем мире известны наша музыка, живопись, поэзия, архитектура... Торжествующее знамя – итальянский художник!

В то время произошло извержение Везувия. Я была поражена, увидев из окна огонь и клубы дыма, выходившие из зияющего кратера, как из пасти страшного чудовища. Стоял ужасный грохот, который отзывался где-то в кишках. Лил

дождь из пепла, покрывающего очаровательные окрестные деревья. Залив приобрел фантастический вид, с раскаленными цветными отблесками ярости Титана, эта картина осталась навсегда в моей душе.

Лина Кавальєри в роли Мими в опере Пуччини «Богема»

Это был Неаполь, где каждый ребенок поет с утра до вечера, как будто они рождаются с радостью, заглушающей боль. Это был Неаполь – великолепный амфитеатр, где природа ежедневно показывает необыкновенное зрелище своим восторженным поклонникам. Именно Неаполь закалил меня для боя, сделал меня победительницей! Вы когда-нибудь вдыхали запахи водорослей, поднимающихся порывами со скал Марджеллины? Вы когда-нибудь любовались сиянием тысячи огней, покрывающих побережье Позиллипо и отражающихся в стальных водах залива, как множество колышущихся светлячков? Глядя на Сорренто, усеянный огоньками света, над которым возвышается огромный вулкан, бдительный и дымящийся страж, разве вы не чувствуете, как прекрасна жизнь, не ощущаете в душе счастье и безмятежность?

С такими мыслями я покинула свою комнату в день своего дебюта в театре «Сан-Карло», надела платье Мими и пела. Я не могла не выиграть. Я победила! Неаполь, он меня понял!

Глава XIII. Рим и Оранж

Еще одно воспоминание, хотя совершенно другое по атмосфере и ощущениям, оставило в моей памяти неизгладимое впечатление. Это была ночная прогулка по Риму, Палатину, Форуму, Авентину, она станет незабываемой благодаря присутствию исключительного гида – Габриеле Д’Аннунцио¹⁷. С нами были Матильда Серао¹⁸, Эдоардо Скарфольо¹⁹ и Франческо Паоло Микетти²⁰. Я, римлянка, не могу вспоминать этот вечер, чтобы меня не охватила сильная ностальгия. Вот что значит познать древность под руководством гения! Перед нашими глазами предстало бесконечное величие Рима. История жила и пульсировала, одухотворенная словами поэта, за каждым историческим эпизодом следовала личная оценка события в его генезисе и последствиях. Форум (трагическое кладбище варварской глупости) был снова заселен, среди его разрушенных колонн и разбитых памятников сенаторских мантий, мужественных воинов и великолепных матрон. Императорский Рим, владыка мира, был на-

¹⁷ Д’А н н у н ц и о, Габриеле (1863–1938) – граф, итальянский писатель, поэт, драматург, военный и политический деятель.

¹⁸ С е р а о, Матильда (1856–1927) – итальянская писательница и журналистка наполовину греческого происхождения.

¹⁹ Супруг М. Серао, известный публицист.

²⁰ М и к е т т и, Франческо Паоло (1851–1929) – итальянский художник, особенно известный своими жанровыми работами.

полнен тенями и духами. Необычайно яркая луна освещала сцену, темные углы и призрачные пещеры. А на огромном бархате небосвода свет бесконечности сиял через тысячу крошечных дыр – звезды. Голос Габриеле Д’Аннунцио летел по воздуху, забальзамированному лесными ароматами, и эхо жизни доходило до нас нечетко, как звон далекого колокола. Два наиболее затронутых органа чувства – слух и зрение – чередовались по ощущениям. Душа тоже прекрасно гармонировала с неподражаемой атмосферой. Я не знаю, помнит ли Габриеле Д’Аннунцио наше паломничество по руинам Древнего Рима, но я всегда буду благодарна ему за этот очаровательный вечер, за счастье от познания красоты и величия, какое я никогда больше не чувствовала в моей кочевой жизни. Когда Габриеле превратился из прекрасного поэта в героя войны²¹, которая сделала Италию достойной ее великих традиций, я часто думала, что, безусловно, память о том, чем был Древний Рим для мира, не в последнюю очередь послужила толчком к военным достижениям Д’Аннунцио в Буккари²².

²¹ В 1915–1918 гг. Д’Аннунцио участвовал в боях на фронтах Первой мировой войны: вначале в авиации, затем (после ранения) в пехоте.

²² *La Boffa di Buccari* – эпизод Первой мировой войны, произошел в ночь между 10 и 11 февраля 1918 г. Это был рейд, проведенный Габриеле Д’Аннунцио, Луиджи Риццо и Андреа Феррарини с вооруженными торпедными катерами *Regia Marina* против австро-венгерского корабля в бухте Буккари (сегодня в Хорватии). Хотя этот эпизод существенного военного значения не имел с точки зрения последствий, тем не менее его эхо подняло моральный дух Италии, испытавшей серьезное поражение при Капоретто несколькими месяцами ранее.

В бесконечной череде воспоминаний я не могу не вспомнить еще один исключительный вечер – великолепное представление оперы «Мефистофель»²³ в историческом греческом театре Оранжа. Арриго Бойто²⁴, не знаю, был ли он сам на этом спектакле, наверное, не мог себе представить столь впечатляющего исполнения его работы. Это было ночное благотворительное мероприятие. Все величие творчества Бойто было представлено на сцене Оранжа. Когда я ждала в импровизированной гримерной, освещенной свечами, свою очередь выхода на сцену, я вспомнила чудесные греческие изображения, которые, благодаря Эсхилу, Софоклу и Еврипиду, стали истинным проявлением совершенного искусства. Огромный древний амфитеатр наполнялся многочисленной публикой, тысячи пылающих огней освещали сцену, и я подумала, вот такими должны быть классические представления о Греции. Эта драма нашла исключительную сцену, созданную талантом древних архитекторов. Мне даже казалось, что среди древних руин театра, удачно расположенного среди свежей зелени, я слышала рыдающий

²³ Опера в четырех действиях с прологом и эпилогом Арриго Бойто на либретто композитора, основанное на драме Иоганна Вольфганга Гёте «Фауст».

²⁴ Б о й т о, Арриго (1842–1918) – итальянский композитор и поэт, прославившийся как автор либретто к операм Джузеппе Верди «Отелло» и «Фальстаф». Автор либретто собственных опер и кантат, а также либретто опер «Симон Бокканегра» (переработка первоначального либретто Ф. М. Пиаве), «Джонконда» Амилькаре Понкьелли, «Серп» Альфредо Каталани и ряда других. Сочинил «Мефистофеля» на собственное либретто.

голос ослепленного Эдипа, мучительные стоны Ифигении, принесенной в жертву, и пение хора. Среди этих мечтаний, далеких от наших времен, меня потрясла прелюдия к опере и вскоре после этого грозный бас Федора Шаляпина, превосходного певца и артиста²⁵.

²⁵ Ш а л я п и н, Федор Иванович (1873–1938) – русский оперный и камерный певец (высокий бас), в разное время солист Большого и Мариинского театров, а также театра «Метрополитенопера», первый народный артист Республики (1918–1927), звание возвращено в 1991-м, в 1918–1921 гг. – художественный руководитель Мариинского театра. Получил репутацию артиста, который соединил в своем творчестве «прирожденную музыкальность, яркие вокальные данные, необыкновенное актерское мастерство». Занимался в разное время живописью, графикой, скульптурой и снимался в кино. Оказал большое влияние на мировое оперное искусство.

Федор Шаляпин

Пусть это покажется нескромным, но я хочу рассказать о своем исполнении двух ролей – Маргариты и Елены. Это было одно из самых больших и желанных достижений в моей артистической карьере. Это был триумф не только с вокальной точки зрения, но прежде всего с точки зрения сценографии. Некоторые друзья, видевшие это представление, сказали, что мое появление на этой огромной фантастической сцене, освещенной разноцветными прожекторами, в то время как сильный ветер поднимал и шевелил вуали моего платья, произвело незабываемое впечатление.

Лина Кавальери в сценическом костюме, 1900-е годы

Когда стихли последние такты оперы и публика разошлась, артисты собрались, чтобы обсудить и оценить выступление, и все вместе должны были признать, что успех был необыкновенным. Успех спектакля был обусловлен чудом древней сцены, вызывавшей воспоминания, и гармонией театра.

«Мефистофель» был повторен тем же составом в Монте-Карло, но это было уже не то. Очевидно, не хватало того, что мы все чувствовали в Оранже. Отсутствовала атмосфера древнего греческого театра, которая пронизывала наши души.

Глава XIV. Первое путешествие в Америку

После многих отступлений возвращаюсь к хронологической последовательности фактов и событий моей жизни. Успехи на оперной сцене привели меня в вожаденный Нью-Йорк. «Метрополитенопера» — цель, к которой стремятся все творческие люди. Передо мною открылся совершенно новый мир, совершенно новый стиль работы. Как я уже писала, постоянным препятствием в моем творчестве была красота, так что и здесь она сыграла свою роль. Но все по порядку.

Я села в Гавре на великолепный океанический лайнер в сопровождении моего брата Ореста и верной швейцарской экономки Антониетты Чаппа, которая уже более пятнадцати лет разделяла со мною и горести, и радости. За это выражаю ей глубочайшую признательность и благодарность. Морские путешествия всегда были для меня настоящей пыткой, но на этот раз мои мучения усугубились серьезным беспокойством: уезжая, я оставила отца больным. Несмотря на заверения врачей, мне было беспокойно. Лежа в своей каюте в темноте, чтобы как можно меньше ощущать последствия морской болезни, я все время видела образ отца перед глазами, так как всегда испытывала к нему огромную любовь и привязанность. Однажды ночью, посреди Атлантики, я просну-

лась от кошмара. Я всегда буду помнить это странное явление, которое к тому же было не первое и не последнее в моей жизни. Сильный голос повторял мне: «Папа мертв! Папа мертв!» Я вскочила с кровати, зажгла свет и позвонила Антониетте. Они с Орестом пришли в мою каюту и пытались успокоить меня, но тщетно. Я посмотрела на часы: было три часа ночи. Через некоторое время я успокоилась, но, несмотря на заверения моего брата об обратном, я была уверена, что отца больше нет. В порту Нью-Йорка нас ожидала телеграмма со страшной вестью, подтвердив час смерти.

На берегу на нас буквально напала толпа журналистов и репортеров. Как бы я ни была уничтожена горем и мыслью о невозможности улететь, чтобы обнять своего отца в последний раз, я должна была улыбаться и отвечать на многочисленные вопросы, что вызвало большое уважение у моего импресарио. Это была самая мерзкая роль, какую я когда-либо играла.

В Америке меня провозгласили «самой красивой женщиной в мире». Любой, кто знает Америку, понимает, насколько выступления там влияют на всю карьеру. Пробираясь сквозь толпу, ожидавшую нас, я подумала, что в этой свободной стране нас так встречают, что мы не можем свободно и благополучно ступить на землю. В стране Дяди Сэма этой свободы действительно нет: непрекращающийся вихрь жизни захлестывает вас с первого момента вашего прибытия, заставляя маршировать в безудержном ритме. Кругом небоскребы уходили в небо и напоминали мне Вавилонскую башню из Библии, только с той разницей, что здесь не было смешения языков и все люди были готовы подняться в небо, захватить землю и стать владыками моря.

Вскоре эти мои размышления уступили место серьезно-му беспокойству – дебюту в «Метрополитен». Дебют сам по себе был серьезным испытанием, да еще все осложнялось странным соревнованием, которое организовало руководство театра между Джеральдиной Фаррар²⁶ и мною. Господин Конрид, директор «Метрополитен», решил доверить нам одновременно партии сопрано: «Федора» Умберто

²⁶ Фаррар, Джеральдина (1882–1967) – американская оперная певица (сопрано), киноактриса, дебютировала в нью-йоркской «Метрополитен» в опере «Ромео и Джульетта» в 1906 г. и оставалась членом труппы до выхода на пенсию в 1922 г., исполнив 29 ролей в 672 спектаклях.

Джордано²⁷ – для меня и «Ромео и Джульетта» Шарля Гуно – для Фаррар.

²⁷ Дж о р д а н о, Умберто Менотти Мария (1867–1948) – итальянский оперный композитор, один из заметных представителей веризма. Создал оперу «Федора» по пьесе В. Сарду, которой вдохновился за несколько лет до этого в интерпретации Сары Бернар.

Глава XV. Странная конкуренция с Джеральдиной Фаррар

Из всех стран, где я когда-либо была, Северная Америка оказалась наиболее далекой от европейской жизни в ее сентиментальных и практических проявлениях. Странное сочетание наивности и блефа, активности и лени; страна, где все верят только тому, что рекомендует реклама, где нельзя прославиться без скандала. Станный для нас, европейцев, менталитет, который терпит все, пока это не становится публичным, понимает только доводы сильнейших, дисциплинирует все очень поверхностно, мало видит и понимает за пределами бизнеса. Учитывая все это, логично было бы ожидать, что в моей творческой жизни произойдет нечто необычное. И не только для меня.

Моим коллегой по «Федоре» был незабываемый Энрико Карузо, а с Фаррар в «Ромео и Джульетте» пел Шарль Руссель²⁸ из парижской Оперы. Моя соперница сообщила об их большом успехе, что сделало мой дебют еще тревожнее. Наконец настал долгожданный вечер. Думаю, можно не описывать, с каким настроением я пришла в театр. Меня буквально

²⁸ Руссельер, Шарль (1875–1950) – французский оперный певец (тенор), выступал в основном в парижской Опере и в Монте-Карло, пел в мировых премьерах нескольких опер, дебютировал в «Метрополитен» в партии Ромео в опере Гуно «Ромео и Джульетта» в 1906 г.

трясло, а главное, я плохо себя чувствовала. Первый акт прошел при доброжелательном внимании публики и моем отчаянии. Когда перед вторым актом поднялся занавес, я осознала, что на кону мое будущее. Нас очень внимательно слушали зрители. Мы сами оказались эмоционально втянуты в трагическую историю Лориса и Федоры. Когда в конце любовного дуэта Карузо прокричал «Федора, я люблю тебя!», я так была поглощена своей ролью, что упала в его объятия. Когда занавес медленно опускался, все увидели настоящий страстный поцелуй. Впервые в Америке артисты на сцене по-настоящему целовались. Это был триумф! Но разразился скандал, и это еще больше подогрело успех.

Лина Кавальери и Энрико Карузо, 1907

На следующий день американские газеты, жадные до скандалов, много писали о моем исполнении Федоры и спорили о возможности или запрещении подобных сцен. *New York World* писала: «Кавальери и Карузо в горячих объятьях вызвали восхищение у публики в “Метрополитен-опера”». Я была счастлива, особенно потому, что объектом моего живописного поцелуя был Карузо, мой большой и хороший друг, которым я всегда безмерно восхищалась. Зачем это отрицать?!

Весь этот шум помог моей победе над Джеральдиной Фаррар, и мне передали главную партию в опере Пуччини «Мадонна Леско». Таким образом был освещен мой путь в крупнейший храм искусства, и американцы стали называть меня «Лина – целующаяся примадонна». Позже уже все артистки целовались на сцене, но меня так называют до сих пор.

Глава XVI. В Нью-Йорке арестовали Карузо

После триумфального показа «Федоры» были поставлены оперы «Богема» и «Манон Леско». Между репетициями Карузо ходил в зоопарк в Центральный парк, его забавляли обезьяны. Однажды днем он, как обычно, вышел на прогулку, по своей привычке засунув руки в карманы своего большого пальто. Он остановился перед вольером с обезьянами, которые прыгали и резвились. Вокруг собралась большая толпа, все смеялись и веселились. Перед тенором стояла дама, вдруг она закричала и набросилась на певца. Вмешался полицейский, и взволнованная дама заявила, что, пользуясь толкучкой, «этот джентльмен осмелился подойти к ней очень близко и... ущипнул ее». «Джентльмен» доказывал свою невиновность, сообщил свои личные данные и заявил, что стал жертвой шантажа. Но полицейский ничего не стал слушать, арестовал его и повел в участок.

Новость молниеносно разнеслась по мегаполису. В прессе появились яркие заголовки. В пуританской Америке разразился настоящий скандал. Друзья добились освобождения предполагаемого преступника под залог после 24 часов заключения в тюрьме. Все наладилось, но Карузо так не считал. Помню, он сказал мне: «Лина, я жертва сумасшедшей и шантажистки. Это оскорбительное обвинение поражает меня. Но что подумают зрители?! Как они встретят мое выступление в “Богеме” после случившегося?!» Он очень волновался, поэтому можно себе представить, с каким настроением мы начали оперу Пуччини перед полным залом зрителей. Я помню, каким бледным был Карузо, когда он начал свою арию *Che gelida manina*²⁹, и до сих пор чувствую его руку, которая была более холодной и дрожащей, чем моя. Не знаю, может, это беспокойство придало его чудесному голосу необыкновенную теплоту и искренность. Он так никогда не пел и, заканчивая арию, произнес *Vi piaccia dir!*³⁰ с таким проникновением, что публика вскочила на ноги и невообразимая овация окончательно оправдала великого певца. Я увидела слезы на глазах Карузо – неаполитанцы! Он плакал как ребенок. Нью-Йорк был у его ног. Зрители ничего не заметили: сцена утаивает и маленькие, и большие трагедии,

²⁹ Какая холодная рука (*итал.*).

³⁰ Пожалуйста, скажите мне! (*итал.*).

грим, парик и костюм скрывают все от публики!

Глава XVII. Американский брак на восемь дней

Через два года после ранее рассказанных событий я приехала на сезон в Нью-Йорк, в *Grand Opera House (Manhattan)*. За время моего пребывания в Америке ничего особенного не произошло, за исключением моего второго брака с гражданином звездной страны. Однажды вечером на приеме, устроенном в мою честь в доме миссис Бенджамин Гиннесс, самого лучшего и дорогого из моих друзей того времени, мне был представлен мистер Боб Э. Ченлер. Он был художником, из богатой нью-йоркской семьи, и с самой первой нашей встречи проявлял ко мне большую симпатию, которая вскоре переросла в страстную любовь. Ченлер не был наделен природой привлекательностью, но он забавлял меня своей оригинальностью и эксцентричностью.

Лина Кавальери, 1900-е годы

Как-то мы говорили о театре и искусстве, и он, следуя непреодолимому импульсу своей энергичной натуры, сделал мне предложение выйти за него замуж. Я смеялась от души, так как испытывала к нему только дружеские чувства. Он упорствовал и стал развивать собственную теорию о нестабильности женского характера, о силе воли мужчин, сказал, что в браке любовь не нужна: «Я уверен, если вы станете моей женой, то будете со мною всю жизнь». Я снова рассмеялась и ответила: «Если даже я выйду за вас замуж, то ни ваше богатство, ни ваше золото не смогут удержать меня с вами больше недели. Будьте уверены!» Он скептически улыбнулся и предложил пари. Ну что ж, пари так пари.

Началась наша семейная жизнь. К определенному сроку он был уверен в своей победе. Я сделала вид, что забыла о пари, и обрадовалась полученным подаркам. Вечером седьмого дня после нашей свадьбы у нас были гости. Обед прошел весело и интересно. В глазах мужа я прочитала счастье торжества. Пройдя в холл за кофе, я удалилась от гостей. Мои чемоданы были уже собраны, и я ушла. Несколько недель спустя был объявлен развод. Я отказалась от дворцов, большого поместья, годового дохода и выиграла пари. Я была американской подданной всего восемь дней.

Конечно, в очередной раз я совершила серьезную глупость и посчитала развод вполне естественным. Сегодня я

так не думаю и считаю, что союзы священные гораздо более, чем сама жизнь. С тех пор я никогда не видела своего второго мужа, о смерти которого узнала всего несколько лет назад. Общие друзья рассказывали мне, что его комната была буквально устлана моими фотографиями. Бедный Боб! Как плохо я поступила с ним. Прошу прощения от всей души.

Глава XVIII. Психология брака

Я бы хотела здесь поделиться некоторыми своими соображениями о браке. Думаю, я могу говорить об этом с полным знанием дела, так как была трижды замужем и трижды развелась с мужчинами абсолютно разных национальностей, характеров и темпераментов: русским, американцем и французом.

Почти для всех женщин в годы юности брак представляет собой мечту, желаемую цель. И это правильно. Общество со своими моральными и систематизированными законами, сама природа заставляет так думать. Создание новой семьи, рождение детей – это сама причина нашего существования. Следовательно, брак необходим. Любые возражения против брака разбиваются об эту этическую и естественную истину. Бывает, что союзы несчастливы, но это происходит из-за неправильного представления о том, как брак устроен. Любовь и брак не могут иметь одинаковую продолжительность, по крайней мере в большинстве случаев. Это должны понять все девушки и мужчины, вступающие в брак. Это уберегло бы их от многих печалей.

Лина Кавальери, 1900-е годы

Создание дома и семьи священо. Конечно, желательно,

чтобы союз мужчины и женщины начинался с любви, но следует хорошо понимать, что это чудесное чувство не может длиться вечно, и наша обыденная жизнь, наши недостатки день за днем, постепенно убьют любовь, но из ее пепла возродится привязанность. Привязанность – неотъемлемая основа любого союза, незаменимая часть брака и семьи. Привязанность, терпимость, понимание потребностей, солидарность в борьбе с невзгодами и опасностями.

Только сейчас, вспоминая Сашу Барятинского, я понимаю религию этого чувства, а когда я была его женой, только любовь командовала нами. Причиной моего развода с Ченлером было отсутствие любви и невозможность восполнить этот недостаток привязанностью, которая появляется после длительного периода совместного существования и взаимного понимания. Раньше я этого не понимала.

Для женщин природа дала самое прекрасное и священное предназначение – творить и воспроизводить, облегчать боль, утешать страдания, помогать мужчинам в их повседневной борьбе. Для вас брак – это нежность и ласки, семья, материнство, прощение. Вы – матери!

Глава XIX. Русская революция, Таис и Маттиа Баттистини

Из Америки я вернулась в Россию, где в Петербурге, Москве, Киеве и Харькове должен был проходить итальянский оперный сезон. Именно тогда я пела с незабываемым Маттиа Баттистини³¹ в опере Массне «Таис», в которой я начала выступать в парижской Опере, а затем по всему миру. Баттистини очень любил свою партию Атанаэля и, чтобы чувствовать себя совершенно непринужденно в роли просвещенного отшельника, носил грубую одежду дома весь день перед спектаклем. Время от времени он смотрел из открытого окна (мы были в мае), и однажды кто-то заметил его. Небольшая толпа зевак остановилась и с изумлением рассматривала его. Маттиа, очень внушительный, в своем сценическом костюме монаха, целиком показался на подоконнике и величественным жестом благословил своих уличных зрителей.

³¹ Баттистини, Маттиа (1856–1928) – итальянский оперный певец, баритон, приверженец школы так называемого сладкого пения, мастер бельканто.

Лина Кавальери в опере Массне «Таис», 1905

Именно в этот сезон в России вспыхнули первые восстания, завершившиеся в Петербурге так называемым красным днем. Всем известны первопричины, спровоцировавшие эту первую революцию, я не буду их повторять. Но, возможно, мало кто знает, что «красный день» закончился расстрелом крестьян и рабочих, вышедших на Дворцовую площадь просить «батюшку» о справедливости. Когда императора удалили из столицы, стража, охранявшая дворец, из страха перед серьезными беспорядками безжалостно набрасывалась на безоружных и уж точно не особо опасных людей. Если бы царь показался на балконе, эти демонстранты преклонили бы колени, перекрестились и ушли бы довольные, как это было не раз. Ошибки психологии, но прежде всего ошибки

советников, кто, безусловно, я считаю, являются главными виновниками российской катастрофы и трагической гибели Романовых. Может, повлиял мягкий и неуверенный характер Николая II. Да и сама царица, слишком занятая своей ролью матери и тяжелой болезнью цесаревича, не ставила государственные дела выше семейных. Наконец, мистическая фигура манипулятора, алкоголика и извращенца Распутина завершила трагическую картину. Государственная система, когда социальные вопросы решались силой и ссылкой в Сибирь, еще не исчезла из менталитета русских лидеров. И насильственная смерть царской семьи не прекратила это трагическое действо. Деятельность великой Екатерины II была чудесным исключением среди вялой и безрезультативной работы ее предшественников. И тень Петра I перестала защищать Святую Русь, когда красный флаг Советов начал победно развеваться над телами стольких невинных! Первая революция стала началом краха империи, Петербург изменил свое название на Петроград, а позже слог «Петр» был преобразован на «Ленин».

Глава XX. Катастрофа и трагикомедия

В такой тревожной атмосфере прошел весь сезон, который запомнился еще двумя эпизодами. Первый случился в Киеве, в один из вечеров спектакля. На улице царило революционное волнение, и ко мне пришел в гримерку начальник полиции. Он сказал, что вокруг театра собралась огромная толпа и, когда я буду возвращаться из театра, это может представлять для меня большую опасность. Он предложил, чтобы эскадрон казаков на лошадях сопровождал мою карету до гостиницы. И я согласилась. Не могу сейчас без ужаса вспоминать, как лошади врезались в толпу людей, сбивали и калечили их. Эскадрон мчался галопом, ни на кого не обращая внимания на своем пути, а я видела из окна своего экипажа избитых людей, виновных лишь в том, что хотели поближе посмотреть на артистов. Меня мучила мысль, что из-за меня многие семьи будут оплакивать своих близких в этот вечер, и я проклинала свое молчаливое согласие с предложением начальника полиции.

Второй же эпизод случился в Харькове и имел трагикомичный исход. Революционное движение продолжалось и распространялось. Власти были очень обеспокоены возможными беспорядками и запретили театральные представления. В конце концов они решили, при определенных усло-

виях, возобновить спектакли. Одно из таких условий было выставлено мне: полиция запретила мне надевать на сцену свои драгоценности, слишком известные в то время, чтобы не пробуждать желания голодавших революционеров. Я обещала, но перед спектаклем подумала, что русский народ обожает артистов, и все мои драгоценности предстали в первом акте перед изумленной публикой: я вышла, вся покрытая нитями жемчуга, бриллиантами, рубинами, изумрудами, сапфирами, на всех частях тела и частично нашитыми на костюм. Полиция сняла с себя всякую ответственность и дала понять, что не одобряет мой безумный поступок. И действительно, моя идея оказалась безумной, когда во время третьего акта мы услышали возбужденные крики, раздались выстрелы и в зал ворвалась кричавшая толпа демонстрантов, подавившая полицию и солдат. Артисты с ужасом смотрели друг на друга. Я дрожала больше всех. Дирижер, не потерявший самообладания, продолжил оперу. Демонстранты заняли свои места, замолчали, и представление завершилось под гром аплодисментов. После выступления мы еще пели на бис итальянские песни и романсы. Никто не осмелился приблизиться ко мне. Никто, возможно, даже и не подумал, что Лина Кавальери в тот вечер носила на своем стройном теле драгоценности на сумму более трех миллионов рублей.

Лина Кавальери, 1900-е годы

Глава XXI. Почему я никогда не пела в Риме

Хочу предвосхитить вопрос читателей: почему, став оперной певицей, вы никогда не пели в Риме? Ответ прост: я никогда не хотела выступать перед своими земляками, потому что испытывала неподдельный страх перед римскими зрителями. Публика в Риме – проницательный критик, идеальный ценитель музыки, привыкший к самым разнообразным и сложным вариациям оперных постановок, склонный судить всех знаменитостей. Хотя я никогда не чувствовала себя хуже других, но все равно боялась петь в своем отечестве, даже на концертах, даже на благотворительных мероприятиях. Думаю, не в последнюю очередь на мое бесповоротное решение повлиял пример моего большого друга и учителя Франческо Маркони, который всегда пел в Риме, подвергая себя жестокой критике, жертвой чего всегда становимся мы, артисты. У меня было много возможностей выступать в родном городе. Друзья и поклонники много раз пытались уговорить меня, но тщетно.

Лина Кавальери в опере Пуччини «Тоска», 1907

Хочу рассказать один эпизод с Ренцо Росси. Надеюсь, наша дружба не пострадает от моих откровений. Я приехала в Рим после русских событий, о которых писала ранее. Самая дорогая подруга и верная спутница моей творческой жизни, госпожа Клотильда Альбини, однажды рассказала о визите ведущих римских журналистов, которые хотели включить меня в гала-представление в театре *Costanzi*, организованное Синдикатом журналистов Рима. Президент Ренцо Росси действительно приехал в «Гранд-отель», где жила я, вместе с музыкальным критиком Николой д'Атри и журналистом Эдоардо Помпеи. Они показали письмо Массне, который согласился лично приехать, если договорятся со мною и Баттистини. Помпеи сказал, что Баттистини согласился при условии, если партию Таис буду исполнять я. Учитывая настойчивость друзей и критиков, согласие Баттистини и Массне, поиск предлогов для отказа был отнюдь не легким. Я извинялась, как могла, и мои собеседники не стали настаивать и ушли. Синьора Альбини ругала меня, и была права. Но что делать? Как побороть страх? Сама мысль о появлении перед римской публикой приводит меня в дрожь. Так получилось: Лина Кавальери пела в парижской Опере, в нью-йоркской «Метрополитен-опере», в лондонской «Ковент-Гарден», в петербургском Мариинском театре и т. д., которая столкнулась с русской революцией, войной, бунта-

ми в Мексике, родившаяся в Риме, никогда не пела в своем обожаемом городе! «Кого любят, того боятся», – гласит поговорка. Как же я сильно люблю Рим, что так боялась!

Глава XXII. Моя третья свадьба

В хронологическом порядке важнейших событий моей жизни мы подходим к моему третьему браку. С Люсьеном Мураторе мы оказались в парижской Опере, где вместе работали над оперой Умберто Джордано «Сибирь». Через несколько месяцев мы поженились, и я стала французской подданной. Я считала, что брак с артистом будет для меня правильным решением. Факты показали, что я снова ошиблась. Супружеская жизнь среди артистов в большинстве случаев практически невозможна, хотя и есть некоторые исключения, но сотни примеров доказывают эту истину. Вначале мы с Мураторе имели общую творческую жизнь: театр, концерты, кино. Во время Первой мировой войны, о чем я расскажу позже, мы занимались пропагандистской работой в Америке для европейских союзников. Мы делились друг с другом тревогами и опасностями, успехами и неудачами. Позже мы ушли из театра и занялись коммерческой деятельностью: основали в Париже институт красоты, носивший мое имя. Но это была очередная тщетная попытка примирить несовместимое: мы развелись, и каждый из нас возобновил неизбежное течение жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.